

Мартышев Евгений Фёдорович,
1945 г.р. Поэт, журналист.

Родился на станции Долина Свердловской области в семье военнослужащего. Живёт в Новосибирске. Окончил НЭТИ (1967). Работал прорабом, главным инженером СМУ (1979 –1981), главным энергетиком ФГУП ГТРК «Новосибирск» (с 1985 г.).

Академик Петровской академии наук и искусств. Руководитель областного литературного объединения «Молодость», автор 13-ти стихотворных сказок и пяти стихотворных сборников. Книги: «Ось бытия» (2006), «Облепиховый берег» (2010) и др.

* * *

Куда ни забреду, в любое время года,
в какой угодно час, в какой угодно миг
пытается со мной беседовать природа
пытаюсь и я постичь её язык.

Бреду ли на заре по утренней пороше,
пью утреннюю стынь, которая пьянит,
взывает воробей: «Прохожий, дай мне крошек!»
«Открой в подъезд мне дверь!» – соседский пёс скулит.

Торчит из снега пень казнённой кем-то ёлки,
на срезе, как слеза, застывшая смола.

Я слышу: «Человек, какой же ты жестокий.

А я ведь этот двор украсить бы могла».

Стучит в моё окно промёрзшей веткой тополь.

Что хочет сообщить? Не шествие ль весны?

А этот рыжий кот, крадущийся поодаль...

Он ловит сизаря и просит тишины.

Мы, зрячие, слепы, мы, слышащие, глухи.
Мы маскируем лень вседневной суетой.
Не потому ль окрест раздраи и прорухи
и близкий человек почти как не родной?
Но в кой-то миг в душе вдруг расцветает лотос,
пробив собою грунт на выжженном плато.
– Люби меня, люби! – Я слышу чей-то голос.
Гляжу по сторонам: откуда это? Кто?

Облепиховый берег

Ясный день, из света сотканный.

Морщит воду ветерок.

Трясогузочка на отмели
крестит лапками песок.

Небо утреннее радужно
отливает вдалеке.

Чайки кружатся суматошно,
как чайники в кипятке.

Мы под берегом обрывистым,
на песчаной полосе.

Тянет рыбным, тянет илистым
от воды «а ля глясе».

А над нами пышным ярусом,
источающий дурман,
облепиховые заросли,
облепиховый туман.

Как светло и как божественно
всё распахнуто вокруг.

Как касания естественны
наших губ и наших рук.

Облепиховые заросли.
Облепиховый туман.

Нас уносит, как под парусом,
в бирюзовый океан.
Сердце яростно колотится.
и захлёбывает бриз.
Возвращения не хочется.
Время, стой! Остановись!
Но пора нисходит вечера,
обознача нам предел,
День истаял. Делать нечего.
Как он быстро пролетел!
Расстаёмся скорбно – тихие,
скреп надёжных не найдя.
Таёт берег облепиховый,
плавно в Лету уходя.

* * *

Россия вышла из деревни,
станец, посёлков, починков,
полузабытых капищ древних,
дубрав и светлых родников,
из дивных сказок лукоморья,
из хлебных запахов полей,
из необъятного раздолья,
из сини, пролитой над ней.
Страна вселенской благодати
свершая промысел богов,
являла дев чудесной стати
и быстрых разумом сынов.
Они всходили, словно злаки
семян, упавших на порфир,
в глухих провинциях, однако
их узнавал потом весь мир.

И нам они поныне святы,
как животворные ключи:
Тарханы, Гумнищи, Багдади,
Овсянка, Сростки, Кармачи.
Сегодня сельщине не просто.
Разрушен жизненный уклад.
И всё чернее тень погоста
над редким строем изб и хат.
И скорбно брошенные избы
глядят в гнетущей немоте.
Во всём немая укоризна:
– Мужик! Кормилец, где ты? Где?
О, нет, он не исчез бесследно
в пространстве неоглядных нив.
Он малочислен, не приметен
и всё же, слава Богу, жив!
И вопреки суровой доле,
храня заветы давних дней,
хлеба выращивает в поле,
родит и пестует детей.
И, верится, не канет в Лету
село. Прорвёт ячеи пут
и вознесёт Россию к свету,
который Божеским зовут.

* * *

В светлом храме, с монашьим смиреньем,
пред иконой поставя свечу,
я у Бога просил Вдохновенья:
– Помоги! Я трудом оплачу!
Я не денег прошу, не карьеру,
но того, что возвысило б дух,

укрепило бы силы и веру,
обострило бы зреньё и слух!
И не подал мне знак. над главою
золотистый не вспыхнул огонь.
Не упало перо голубое
из-под купола храма в ладонь.
Мчал я к дому в автобусе тесном,
ощущая в себе маету:
– То ли внял мне Отец Поднебесный?
То ль я тщетно взывал в пустоту?
И, бесплодность потуг своих видя,
от хлопот обессиля пустых,
– Бог не внял мне, – решил я с обидой. –
Не услышал молений моих!
Но однажды весною гремучей,
среди звона на сто голосов
белой птицей, звездой падучей
в сердце властно проникла Любовь.
И душа в небывалом смятенье
зазвенела тугою струной.
И пришло, наконец, вдохновенье,
и полила строка за строкой.
Стало всё абсолютно – возможным,
как волшебнику, всё – по плечу.
Опуститься на полюс? – Не сложно!
Пролететь над землёй? – Пролечу!
Понял я: если дело благое,
Бог приходит на выручку нам
и дарует Любовь, остальное...
Остальное ты делаешь сам.